

ВЕЧНАЯ, БЕСПРЕРЫВНАЯ БОРЬБА...

ИНТЕРВЬЮ С РЕЖИССЕРОМ МИХАИЛОМ КОЗАКОВЫМ
В МАЛЕНЬКОМ ПЕРЕРЫВЕ МЕЖДУ СЪЕМКАМИ

Корр.: Мои коллеги — журналисты, беря у Вас интервью на ту или иную тему, неизменно спрашивают о новой работе — экранизации пьесы Шварца. Я не буду тому исключением, поэтому первый же вопрос — о «Тени». Почему Вы снимаете музыкальное кино?

М. К.: Ну, это не совсем музыкальное кино. Дело в том, что каждое произведение — каждый сценарий, каждая пьеса — требует совершенно уникального подхода. Допустим, я снимал «Визит дамы». Это был не музыкальный фильм. Там были совершенно другие проблемы — язык театральной пьесы должен был обрести киноязык; сохранив все коллизии Дюрренматта, верность смыслу и духу, найти ту необходимую степень кинематографической правды по отношению к театру. Насытить западную, несколько условную драматургию, ну, скажем, духом Достоевского, русским взглядом изнутри на происходящее. И никакого пения и танцев, предположим, там не требовалось.

Теперь Шварц. «Тень». Собственно, был фильм Кошеверовой, в нем играли замечательные актеры — Олег Даль, Зиновий Гердт, Анастасия Вертинская, Марина Неелова. Но, на мой взгляд, этот фильм пе-

кой, мы предлагаем зрителю иные правила игры, и он, на мой взгляд, начинает больше верить происходящему.

Этому можно найти много примеров. Почему, например, Чайковскому удалась «Пиковая дама», а мне не удалась, хотя я дважды брался за нее. И дело не в том, что он — гений, а я — нормальный человек. А в том, что Чайковский, переведя «Пиковую даму» в иную форму — на следующую ступень условности — в оперу, нашел адекватный язык произведению Пушкина. «Пиковая дама», «Гробовщик» или «Нос» Гоголя — если мы все это будем ставить, так сказать, реалистически, ничего не получится. Эта же опасность подстерегала «Тень» Шварца. И я тогда придумал такое музыкально-драматическое кино. Это не мюзикл. Это музыкальная трагикомедия. С использованием пластики. И тогда мне понадобились сильные соавторы. Кроме моего постоянного сценариста Игоря Шевцова мы пригласили, и он любезно согласился, Юлия Ки-ма — замечательного поэта. Монологи и диалоги героев Шварца он перевел на язык поэзии. А Дашкевич написал музыку. И вот на таком творческом содружестве строится вся картина.

стующий Майкл Джексон. А последний этап — он уже король, диктатор. Но в конце концов он летит с этой лестницы славы к ее подножию.

Корр.: В пьесе Шварца Тень исчезает...

М. К.: Шварц устами Ученого говорит нам, что «Тень исчезла, чтобы опять и опять встать на моем пути». На данном этапе он исчез, на данном этапе силы Добра победили. Но Тень — Зло — всегда будет стоять на пути человека.

В финале от Тени не остается ничего, кроме очков, которые и останутся в кадре. Это форма. А содержание — исследование природы людей, неизменной природы человека.

Теперь, что касается остальных персонажей, то очень много характеров. В фильме присутствуют три женских характера. Аннунциата — действительно любящая Ученого — сама душа (актриса Анна Ямпольская). Принцесса — милая, очаровательная пр... проститутка. Не в прямом значении этого слова. Неверное, переменчивое женское начало. (Актриса Марина Дюжева). И третий характер — это певица Юлия Джули — тип актрисы. Ее играет Марина Неелова. В фильме также снимаются Вячеслав Невинный, Александр Лазарев. Я играю продажного журналиста, остро чувствующего моду и конъюнктуру дня.

Корр.: Работая над образом, Вы черпаете примеры из сегодняшней жизни?

М. К.: Я нигде не стремлюсь к сиюминутному отражению: это, мол, журналист А. или журналист Б. В этом и сложность. Сделать как бы всегдашнее, но и сегодняшнее. Не стремиться к сиюминутности. Такие вещи очень быстро устаревают. И умирают. Во всех жанрах. Я в этом убежден.

Корр.: Ваше личное отношение к борьбе двух начал. На чьей стороне чаще оказывается перевес?

М. К.: Я думаю, что это беспрерывная борьба. И вечная...

Корр.: Спасибо за интересный рассказ о будущем фильме.

М. К.: Я хотел бы в заключение назвать своих коллег — с кем я работаю на съемочной площадке. В фильме занято очень много хороших актеров. И в больших, и в маленьких ролях: Г. Тонунц, С. Мишулин, Ю. Волынцев.

Корр.: Судя по всему, картина сложная с постановочной точки зрения.

М. К.: Думаю, что это самая сложная моя картина. Большое количество и танцев, и массовок. Все это само по себе требует больших затрат. Мне по-

могут преодолевать трудности балетмейстер Кирилл Ласкари, оператор Виктор Шейнин, с которым мы первый раз работаем, но дружны много лет, я очень рад с ним работать. Художники-постановщики — Алексей Аксенов и Дмитрий Алексеев, последний работал со мной на «Визите дамы»; художник по костюмам Елена Тимошенкова при участии Аллы Коженковой; на монтаже со мной уже третью картину ведет Ирма Цекавая... Вот такая команда.

Корр.: Насколько я знаю, «Тень», как и предыдущие Ваши картины, будет показана по телевидению. Такое плодотворное сотрудничество с телевидением происходит у Вас целенаправленно?

М. К.: Абсолютно целенаправленно.

Корр.: Ваше отношение к телевидению?

М. К.: Я люблю телевидение. Я его люблю по многим причинам. Но главное, если взглянуть на мою режиссуру, то, что я снимаю на пленку, будь то телеспектакль типа «Фауста» или «Маскарада», или будь то кинематограф с натурой — «Покровские ворота» или «Визит дамы» — все это в каком-то смысле театр, снятый на пленку. А это и есть телевидение.

Корр.: Вам это ближе?

М. К.: Мне это ближе, как способ мышления. Я же не делаю кинематограф в том смысле, в каком его делает Алексей Герман или Кира Муратова — режиссеры реалистического направления, скажем так. Для меня недостижимый идеал — Боб Фосси, его фильмы «Весь этот джаз» и «Набаре». Если брать советские аналоги, то, если хотите, это кинематограф Александрова. Отбросив в сто-

комментарий к литовским событиям, лживая информация программы «Время», список можно продолжать долго — все это возмутительно. И высказывать свое отношение к этому следует. И я высказываю везде, где только могу. Но! Бойкотуруя ТВ, уважаемые коллеги-кинематографисты с таким же успехом могут бойкотировать политику Горбачева, потому что политика Кравченко — это политика Президента, и приостановить все кинопроизводство. А заодно — не проводить никаких кинофестивалей, не ездить за границу и т. д. По идее, я должен приостановить картину «Тень», не давая интервью «Кинопанораме». Приостановить картину, которая направлена против диктаторского режима? Это бред. Что я делаю на телевидении, какие стихи я там читаю, какие постановки ставлю, что говорю — вот что существенно. Нельзя бойкотировать целую отрасль искусства!

Корр.: Выступление по телевидению бывает гораздо существеннее, чем бойкот.

М. К.: Я отнюдь не хочу давать оценку действий моих коллег. Главный вопрос заключается в целесообразности этой акции. Это отнюдь не значит, что я доволен телевидением. Я пострадал от бюрократической машины телевидения ничуть не меньше остальных. Мои картины также по году не пускали на экран. Я отнюдь не идеализирую ЦТ. Хотя оно, в свое время, спасло меня, когда в Госкино меня снимали с ролей, и Союз не приложил никаких усилий для того, чтобы защитить меня. Но в сегодняшнем Союзе кинематографистов мало что изменилось с тех времен. Когда у меня были дикие сложности с постановкой «Пиковой

редал как бы общешварцовский милый тон. Мне кажется, что пьеса Шварца, притча Шварца гораздо драматичней. Ведь здесь идет речь о таких сложных вещах, как раздвоение человека — двух ипостасях одного целого. Материализация абсолютного Добра и абсолютного Зла в человеке. Ибо сказано, что поле битвы Дьявола и Бога — сердце человека. Вот и происходит материализация этакое дьявольского начала в человеке — Тени — с психологией зла, с изощренным, иезуитским, Теневым знанием вещей, и материализация идеального интеллигента Ученого — добра, также доведенного до Абсолюта. Зло как бы побеждает, оно лучше знает характеры людей и посылает Добро на гильотину. Но одно не может существовать без другого. Отрубив голову Ученому, царедворцы лишаются своего новоиспеченного диктатора. Поэтому кончается все благополучно... Но мое внимание направлено на усиление трагизма произведения. Важно не ограничиться общесказочным детским милым тоном этакой киностудии им. Горького. Поэтому вторая сторона моей работы — это поиски формы. Мне кажется, что условность сказки, ее притчевость выиграют, если ее перевести в несколько иной жанр — в мир пластики и музыки; условность не скрывать, как я делал в Дюрренматте, а подчеркнуть. Сопровождаю действие пением, пласти-

Корр.: Прекрасное содружество. И то, что Вы делаете на съемочной площадке, мне нравится. В один из съемочных дней, кстати, Вы обмолвились, что снимаете фильм о Горбачеве и Саддаме Хусейне одновременно. Это была шутка?

М. К.: Нет. Просто когда работаешь, то постоянно возникают какие-то рабочие термины и примеры. Я не конкретно снимаю фильм о Саддаме Хусейне или конкретно о каких-то диктаторских замашках Михаила Сергеевича, хотя это очень спорный вопрос: хочет последний быть диктатором или нет. Это абстрактный фильм о Диктаторе вообще. Тень как бы включает в себя любого диктатора. Я пытаюсь исследовать вместе с Костей Райкиным, который играет Тень и Ученого, природу диктатора. Он проходит как бы ряд ипостасей. Сначала он просто отделяется от Ученого, материализуется в такого болванчика. Почти музыкальную куклу. Потом он делается дворцовым лакеем. Он проходит лестницу славы и на протяжении этого как бы нащупывает свой будущий имидж, даже гримируется, делая из себя такого лакея, у которого далеко идущие планы. Следующая ступень — он уже министр Тайной канцелярии (скажем, КГБ или ЦРУ), он — в черной шинели, в темных очках, в фуражке. Следующая ипостась — у него появляется куртка «а ля» Майкл Джексон — фаши-

рону идейный вопрос вместе с «широка страна моя родная», ведь мастерски сделаны картины — и «Цирк», и «Веселые ребята», и «Весна». Мне близка такого рода театральность. И у Феллини есть такой театральный кинематограф, да и у Бергмана он есть в некоторых картинах. «Бал шутков», например.

Корр.: В связи с тем, что Вы — человек, искренне любящий телевидение, я хотела бы Вам задать вопрос, касающийся последних событий, связанных с телевидением. А именно — бойкот ЦТ ведущими кинематографистами. Ваше отношение к этому?

М. К.: Да, это вопрос серьезный. Все дело в том, что отмена «Взгляда», Невзоровский

дамы». Союз в очередной раз отвернулся от меня...

Что касается телевидения, то я опять же не идеализирую его. Еще живо в памяти, как мне не давали читать Пастернака, Ахматову и как я «пробивал» их стихи на экран. Может быть, эта борьба еще предстоит в будущем. Ну что ж, буду бороться. Но бойкотировать... не считаю нужным.

Корр.: Большое спасибо за столь полный и честный ответ. У Вас впереди сегодня, несмотря на позднее время, еще съемка. Желаю Вам успехов в вашем нелегком, но важном зрелище!

Вопросы задавала
ОЛЬГА КУЗНЕЦОВА.

Фото А. Кученкова.